Митрополит Иларион: Церковь не сращивается с властью, а устанавливает партнерские отношения

Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью газете «Коммерсант».

– Каково, на ваш взгляд, положение Русской Православной Церкви в современном российском обществе?

– Я думаю, Церковь занимает в российском обществе достойное место. На протяжении 70 лет XX века Церковь была искусственно изолирована от общества, но после того, как в 1988 году она вышла из катакомб, стало понятно, что, несмотря на 70 лет гонений, она обладает огромным авторитетом, что она востребована, что люди ждут ее возвращения в общественную жизнь. Вот с этого момента происходит возрождение Церкви. Оно происходит такими темпами, которые беспрецедентны для истории христианства. Это можно сравнить с эпохой после Миланского эдикта, когда в Римской империи – как на востоке, так и на западе – повсеместно стали создаваться храмы. Мы не имеем статистики по тем временам. Но мы имеем современную статистику. И она очень впечатляющая. 25 тыс. храмов построено и отреставрировано за 25 лет. Это значит, что открывалось по тысяче храмов в год, по три храма в день. Восемьсот новых монастырей. Это феномен, который не имеет аналогов в истории Церкви, по крайней мере в новейшей истории.

– Сейчас довольно часто Церковь критикуют за слишком тесные связи с государством. Обвиняют в слиянии высшего духовенства со светской властью. Как Вы относитесь к подобной критике?

– Я думаю, эта критика не обоснована и несправедлива. Мы все живем в одной стране, никому не запрещено общаться друг с другом. У меня в кабинете бывают самые разные люди по самым разным делам и вопросам. Это и представители иных религиозных традиций, иных христианских конфессий, это и представители государственной власти, причем не только России. Вполне естественно для Церкви выстраивать отношения с государственной властью. Наша Церковь является многонациональной. И ее каноническая территория объединяет 15 государств, не говоря уже о том, что у нас есть епархии и приходы за пределами канонической территории. В каждой из стран Патриарх налаживает контакт с первыми лицами государства: в России это Президент Владимир Путин, на Украине – Президент Виктор Янукович, в Белоруссии Президент Александр Лукашенко и так далее. Когда Патриарх посещает какую-нибудь страну, он

встречается с главой государства. И это связано не с тем, что Церковь сращивается с властью, а с тем, что Церковь устанавливает с властью партнерские отношения. Эти отношения строятся на двух принципах. Первый принцип – взаимное невмешательство Церкви и государства во внутренние дела друг друга. Второй принцип – соработничество Церкви и государства по тем направлениям, по которым такое соработничество полезно и необходимо. Защита традиционных семейных ценностей – это как раз одно из тех направлений, в котором церковь и государство могут работать без какого бы то ни было сращивания и без вмешательства в дела друг друга.

– Получается, что отношения Московской Патриархии с Кремлем только соработнические?

– Да, это отношения сотрудничества, совместных проектов по многим темам. Например, по Ближнему Востоку.

– На ваш взгляд, Церкви допустимо участвовать в политике?

– Церковь не участвует в политике напрямую. В том смысле, что она не создает свои политические партии, не поддерживает какую-то одну политическую партию в ущерб другой. Она не ассоциирует себя с тем или иным крылом политического спектра, с теми или иными политическими взглядами. У Церкви нет преференции в отношении того или иного государственного строя. Церковь жила при разных политических режимах. И нашими прихожанами являются люди самых разных политических ориентаций. Но Церковь оставляет за собой право давать оценку с нравственных и духовных позиций тем или иным политикам, высказываниям, их программам, и такая оценка очень часто дается как Церковью на официальном уровне, так и отдельными ее представителями.

– Эта оценка влияет на общественное мнение?

– Думаю, влияет на тех людей, которые прислушиваются к голосу Церкви. Это не все общество, но это значительная часть общества. Церковь имеет большой авторитет в обществе, но есть люди – и это характерно для современного демократического общества, – которых Церковь в чем-то не устраивает, чем-то раздражает, которые с ней не согласны.

– В ходе последних выборов Президента Церковь критиковали: Патриарх призывает голосовать за определенного кандидата. Такие выводы были обоснованы?

– Думаю, нет, потому что прямых призывов голосовать не было. Патриарх на встрече кандидата в президенты Владимира Путина с руководителями религиозных конфессий обратился тогда к нему

как к наиболее вероятному победителю выборов. Кроме того, те религиозные деятели, которые встречались с тогдашним премьером, хорошо знали его и знали других кандидатов. И в комнате, в которой происходило это собрание, было абсолютное единомыслие. Все руководители традиционных конфессий поддержали Владимира Путина, выразили благодарность за то, что он сделал для религиозного возрождения в стране. У нас был выбор из нескольких кандидатов, но только один из них являлся практикующим православным христианином. И это, конечно, для нас было очень важным показателем.

– В конце 80-х годов XX столетия в парламенте СССР был ряд депутатов-священнослужителей, почему сейчас духовенству запрещено баллотироваться в парламент?

– Тогда заканчивал свое существование Советский Союз, начинались политические изменения. Представителей Церкви стали приглашать в выборные органы. Поначалу Церковь на это откликалась. Митрополит Алексий, будущий Патриарх, был членом Верховного Совета СССР, еще ряд иерархов участвовали в работе выборных органов. Но в какой-то момент стало понятно, что для священнослужителей эта работа недопустима, потому что они, так или иначе, должны были ассоциировать себя с неким крылом политического спектра. Они вовлекались напрямую в решение политических проблем. Более того, это провоцировало священнослужителей участвовать в разных партиях, выступать друг против друга. Церковь увидела, сколько рисков связано с этой работой и насколько мало она соответствует ее самопониманию. И Священный Синод принял решение отказаться от участия в политической жизни.

Правда, не так давно была принята оговорка к этому решению: в исключительных случаях по благословению священноначалия такое участие может быть допустимо. Оговорка связана с тем, что сегодня в ряде стран, например на Украине, существуют раскольничьи сообщества, представителям которых (они называют себя священниками или епископами) не запрещается участвовать в выборах. В ситуации, когда, например, раскольничий священнослужитель баллотируется в какой-нибудь выборный орган, Церковь может дать благословение каноническому священнослужителю на участие в выборах в этот орган.

– Некоторые представители других традиционных религий утверждают, что у нас в стране не все религии равны. В частности, они утверждают, что Русская Православная Церковь имеет преференции – например, ей выделяются участки земли под застройку храмов, передается имущество, – а в то же самое время их верующим приходится собираться на улицах из-за нехватки храмов. Как Вы можете это прокомментировать?

– Поскольку межконфессиональные отношения на территории Российской Федерации не входят

в сферу моей прямой компетенции, то я не изучал этот вопрос в достаточных подробностях. Могу сказать лишь, что Россия – это очень большое государство, в котором много территориальных образований, и в каждом из них своя ситуация. У нас есть регионы, где большинство населения принадлежит не к Православной Церкви, а к какой-либо иной традиционной религии. И там, наоборот, раздается критика в адрес властей за то, что они оказывают преференции той религии, к которой принадлежит большинство населения региона.

– Недавно ряд депутатов предложили в Конституции отразить особую роль Православия. На Ваш взгляд, у Русской Православной Церкви должны быть привилегии перед представителями других религий Российской Федерации?

– Не думаю, что мы должны искать каких-то привилегий или преференций с точки зрения закона, общественного положения. Я полагаю, что Церковь должна занимать в обществе то место, которое оно заслуживает. Должна быть признана та роль, которую Церковь сыграла в становлении и развитии российской государственности, общества и тех народностей, которые составляют сегодня единый российский народ.

– Российские власти прибегают к помощи Русской Православной Церкви в решении международных проблем, если да, то по каким вопросам?

– У нас существует очень тесное взаимодействие с МИД Российской Федерации. В частности, создана рабочая группа, которая собирается два раза в год. Помимо этого, едва ли не ежедневно мы взаимодействуем с МИДом по самым разным направлениям. Здесь надо сказать, что церковь никогда не являлась, в том числе и в международной политике, проводником каких-либо идей Российского государства. У Церкви есть своя повестка дня, свои интересы в международной сфере. Но нередко эти интересы полностью или частично пересекаются с государственными. В качестве примера можно привести позицию российской власти и Русской Православной Церкви по Сирии и по Ближнему Востоку в целом. Для нас главной темой является сегодня защита христиан, проживающих на Ближнем Востоке. Мы сочувствуем всем, кто страдает в результате военных конфликтов. Когда, например, Императорское православное палестинское общество по благословению Церкви собирает гуманитарный груз, а потом его доставляет в Сирию с помощью МЧС, то эта материальная помощь распределяется не только среди христиан, а среди всего населения Сирии.

– А государство помогает в решении проблем Церкви? Например, перед недавним визитом в Италию Президента Российской Федерации в западных СМИ появились сообщения, что после встречи Папы Франциска с Владимиром Путиным последует встреча Патриарха с Папой. Это так?

– Это вполне возможно, но эти две встречи никак не связаны одна с другой. Мы ведь о встрече Патриарха с Папой уже много лет говорим. Но мы говорим о том, что эта встреча должна быть хорошо подготовлена. И мы готовим ее, встречаемся с руководством Римско-Католической Церкви. Я, например, встречался и с Папой Иоанном Павлом II, и с Папой Бенедиктом XVI, и дважды уже в этом году встречался с Папой Франциском. Для нас встреча Папы и Патриарха – не самоцель. Для нас это один из этапов развития двухсторонних отношений. Мы такую встречу готовы будем организовать, когда почувствуем, что созрели предпосылки для нее. То есть устранены основные препятствия в отношениях Церквей. Президент Российской Федерации встречался с Папой как глава одного государства с главой другого государства. У Президента не было никакого специального послания от Патриарха, адресованного Папе. Не ставилась цель подготовки или ускорения такой встречи. Встреча между Патриархом и Папой, я думаю, произойдет, но мы будем готовить ее исключительно в формате двухсторонних отношений с Римско-Католической Церковью.

– Вы недавно заявили французским СМИ, что уже ведете подготовку встречи Патриарха с Папой.

– Я и вам это заявляю. Что мы ее много лет уже готовим.

– А как вы ее готовите?

– Мы ее готовим путем переговоров с Римско-Католической Церковью по тем вопросам, которые, как мы считаем, должны стоять на повестке дня такой встречи. Но еще раз повторяю, что для нас не встреча – самоцель, для нас важны сами вопросы. Вот, например, я сказал Папе Франциску на последней встрече, что положение христиан на Ближнем Востоке – это тема, которая требует совершенно особых и экстраординарных усилий со стороны наших Церквей. Мы должны встать на защиту христиан. Надо сказать, что Римско-Католическая Церковь и Русская Православная Церковь многое делают для защиты христиан. Но мы можем объединить наши усилия, удвоить энергию и достичь больших результатов.

– Папа согласился с вами?

– Да.

– Изменились ли отношения Русской Православной Церкви и Рима после вступления на Папский престол Франциска I?

– Они очень изменились к лучшему после вступления на престол Папы Бенедикта XVI. Он сумел снять то напряжение, которое существовало при предыдущем понтификате. Он с большой чувствительностью относился к проблематике православно-католических отношений, при нем наши отношения приняли позитивный и поступательный характер. И я думаю, что если бы он не ушел на покой, то, может быть, состоялась бы встреча Патриарха с ним. Но сейчас уже, конечно, мы не говорим об упущенных возможностях, а говорим о возможности встречи Патриарха с Папой Франциском. Мы видим, что Папа Франциск очень по-доброму относится к Православной Церкви, это отношение проявилось еще тогда, когда он был кардиналом.

– Какие проблемы препятствуют встрече Папы с Патриархом?

– Главная проблема, которая остается в наших двухсторонних отношениях,– это ситуация на Западной Украине, взаимоотношения между православными и греко-католиками. Эти отношения осложнились в конце 1980-х годов, когда греко-католики захватывали православные храмы. Я сейчас не хочу вдаваться в историю: взгляды на историю всегда бывают разные у конфликтующих сторон. Но конфликт не изжит, на Западной Украине немало мест, где православные по-прежнему лишены храмов, о чем мы напоминаем регулярно нашим партнерам в Римско-Католической Церкви. Правда, в последнее время у нас появились добрые вести с Западной Украины. Появилась надежда на то, что Львовская епархия Украинской Церкви Московского Патриархата получит участок и здание для создания духовного центра. Это то, чего мы не могли добиться в течение многих лет. Если это событие произойдет, оно, несомненно, скажется на скорости подготовки встречи.

– Если я правильно Вас понял, то Вы готовите не саму встречу как протокольное мероприятие, а именно приближаете эту встречу своими консультациями и разрешением этих проблем?

– Совершенно верно.

– На ваш взгляд, когда может состояться встреча Патриарха с Папой?

– Я не готов сказать, ни когда, ни где состоится встреча, потому что мы пока не обсуждали этот вопрос. Я только могу сказать, что она состоится тогда, когда обе стороны будут к этому готовы.

– В Московском Патриархате неоднократно заявляли, что встреча Патриарха с Папой не может произойти, в частности, из-за того, что католики на территории Российской Федерации занимаются прозелитизмом, то есть переманивают православных в католицизм. Хотя сами католики это категорически отрицают. В чем все-таки

заключается прозелитизм католиков в Российской Федерации, сама Русская Православная Церковь занимается прозелитизмом на неканонической территории?

– Я должен пояснить, что мы понимаем под прозелитизмом и чем прозелитизм отличается от миссии. Под миссией мы понимаем миссионерскую работу либо среди наших верующих, либо среди наших потенциальных верующих. То есть тех, кто по своим корням принадлежит к нашей традиции, тех, кто не состоит в других христианских Церквах. Если речь идет о другой христианской Церкви, с которой мы имеем отношения такого уровня, как наши отношения с Римско-католической церковью, то целенаправленная миссионерская деятельность с целью отторжения от нее отдельных членов является прозелитизмом. Поэтому у нас существует с римо-католиками уже в течение нескольких десятилетий негласный взаимный запрет на прозелитизм. На официальном уровне это признается и православными, и католиками, так же как на официальном уровне признается и то, что уния не является методом достижения единства. Тема прозелитизма католиков на территории России стояла очень остро в начале 1990-х годов. Нами совместно с российскими католиками была создана рабочая группа по решению трудных вопросов во взаимоотношениях, которая впоследствии была преобразована в рабочую группу по сотрудничеству и взаимодействию, эта группа рассматривала конкретные случаи, которые могли интерпретироваться как прозелитизм. Поэтому эта тема на сегодня в значительной степени снята. Мы не занимаемся прозелитизмом на канонической территории других Церквей и ожидаем от других Церквей, что они не будут заниматься прозелитизмом на нашей канонической территории.

– В интервью “Ъ” глава католической архиепархии Божией Матери в Москве архиепископ Павел Пецци заявил, что «на протяжении первого тысячелетия истории христианства все поместные Церкви признавали первенство Римского епископа. Католическая Церковь приглашает всех к углубленному осмыслению природы первенства в Церкви и роли Римского епископа». Готова ли Русская Православная Церковь к такому осмыслению, то есть признать главенство Папы над собой?

– Я тут должен пояснить, что титул «первый епископ» не означает его главенство над другими епископами. Мы признаем, что в первом тысячелетии первым по диптиху, то есть первым по официальному списку Церквей, был епископ Рима. И это первенство никем никогда не оспаривалось. Но весь вопрос состоит в том, как интерпретировать это первенство. Мы считаем, что это первенство чести, то есть Папа Римский был одним из пяти тогдашних Патриархов – после него в этом диптихе следуют Патриархи Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. У каждого была своя церковная юрисдикция. Папа Римский в наших глазах был Патриархом Западной Церкви, а на Востоке было четыре Патриарха, у каждого из которых была своя каноническая территория. После разрыва общения между Римом и Константинополем это первенство в семье Православных Церквей по факту перешло к Патриарху

Константинопольскому, и сегодня в нашей семье Православных Церквей он является первым среди равных. Но опять же это не власть Константинопольского Патриарха над другими Патриархами. Это первенство чести. Оно выражается в том, что, когда Патриархи собираются вместе, первенствующим за Литургией становится Патриарх Константинопольский. Если он отсутствует, первенство переходит к Патриарху Александрийскому и так далее. Если бы у нас сегодня была единая Церковь с Римом, тогда первым был бы Папа Римский, но при этом мы признавали бы его не как главу Вселенской Церкви, а других Патриархов – не как его подчиненных, мы признавали бы его как главу Поместной Римской Церкви, а других Патриархов – как равных ему по сану, но стоящих ниже его по диптиху, то есть по чести.

– В ряде стран на канонической территории Русской Православной Церкви в постсоветское время появились параллельные структуры других Православных Церквей – например, в Эстонии (Константинопольский Патриархат), Молдавии (Румынская Православная Церковь),– каково отношение к этому Московского Патриархата?

– Негативное. Мы считаем, что там, где имеется одна Поместная Церковь, не должно быть другой Поместной Церкви. Поэтому мы не признаем и никогда не признаем так называемую Бессарабскую митрополию в качестве каноничной церковной структуры Румынской Церкви, не признаем так называемую Эстонскую апостольскую церковь Константинопольского Патриархата.

– А какова сейчас каноническая территория Русской Православной Церкви, не собирается ли Церковь ее расширять?

– Каноническая территория Русской Православной Церкви описана в ее Уставе. Она включает в себя Россию, Украину, Белоруссию, Молдавию, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, Кыргызстан, Азербайджан, Эстонию, Латвию, Литву, Японию и Китай. Исторически расширение церковной юрисдикции происходило за счет миссионерской работы. Например, Япония и Китай неслучайно вошли в юрисдикцию Русской Православной Церкви – это было связано с тем, что в этих странах никогда не трудились миссионеры из какой бы то ни было другой Поместной Церкви. Ни в Японии, ни в Китае никогда не было, например, греческих миссионеров. Мы знаем, что в Китае была в ранние века миссия сирийских христиан так называемой Церкви Востока, потом была уже миссия католиков, но если говорить о православных, то там присутствовала только Русская Церковь, и потом она даровала автономию и Китайской, и Японской Православным Церквам. Поэтому сегодня обе эти Церкви являются автономными, но они находятся в составе Московского Патриархата.

– Уже на протяжении нескольких лет православные Абхазии и Южной Осетии, которые

находятся под омофором Грузинской Церкви, просят Патриарха принять их под свою юрисдикцию. Почему Русская Православная Церковь не идет на это, хотя Константинополь и Румыния образовывают параллельные структуры на ее территории?

– Мы исходим из того, что изменение политических границ не должно вести к изменению церковных границ. Это принцип, которому Русская Церковь следует во внешнеполитической деятельности. Вопрос этот очень непростой. Он стоит на повестке дня двусторонних отношений между Русской и Грузинской Церквами. Этот вопрос решается в непосредственном контакте между Русской Церковью и православным клиром Абхазии и Южной Осетии. Мы должны понимать, что помимо церковных правил, записанных на бумаге, есть еще реальная ситуация, реальные люди: мы видим, что в Абхазии трудится православное духовенство, которое не имеет никакой реальной связи с Грузинской Церковью. В основном это клирики Русской Церкви, которые были рукоположены в какой-либо епархии, а потом оказались на территории Абхазии. Среди них есть и этнические абхазы, и этнические русские. В той мере, в какой мы можем, мы им помогаем, потому что речь идет, прежде всего, о спасении человеческих душ. Мы понимаем, что «свято место пусто не бывает» и если православная миссия не будет в должной мере осуществляться в Абхазии, души людей будут улавливать либо раскольники, либо сектанты. Я думаю, что решать эту проблему надо путем переговоров всех заинтересованных сторон.

– Почему храмы, которые находятся за рубежом, являются собственностью не Церкви, а государства, с чем это связано?

– Ну, во-первых, это не совсем так. Бывает по-разному. Есть храмы, которые построены на земле, принадлежащей Российскому государству и которые являются российской собственностью. Это, например, венский Свято-Николаевский собор, который был построен еще в царское время. Он стоит на земле российского Посольства. И он всегда был российской собственностью. То же касается некоторых других исторических храмов, а также храмов, которые строятся сейчас на посольской земле. Но есть и немало храмов, которые являются собственностью Русской Церкви, причем не Московской Патриархии, а местных структур Русской Церкви. Так, например, собор Успения в Лондоне является собственностью Сурожской епархии Московского Патриархата.

– То есть у Церкви есть загрансобственность?

– Это не загрансобственность Московской Церкви, а это структуры Русской Церкви, находящиеся за границей. Каждая наша церковная структура, находящаяся за границей, имеет статус юридического лица, признана государством и обладает собственностью.

– Для чего начиная с 2010 года идет дробление епархий, зачем понадобилось увеличивать количество епархий?

– Этот процесс был инициирован Святейшим Патриархом Кириллом, он был связан с тем, что церковное возрождение, которое продолжалось в течение последних 25 лет, охватило все крупные города и села, не всегда доходило до глубинки. Не хватало сил у священников на то, чтобы работать в отдаленной местности, и не хватало возможностей у архиереев для того, чтобы реально следить за этой работой, потому что страна у нас обширная, территория огромная. У нас до недавнего времени были такие епархии, где расстояние от одного прихода до другого могло составлять пять часов на самолете. Епископы не справлялись с такими территориями. Поэтому, как правило, епископ имел полное представление о том, что происходит в его кафедральном городе и других крупных городах епархии, а вот о том, что происходит в глубинке, представление было далеко не всегда полным и исчерпывающим. И создание новых епархиальных центров придает новый импульс миссионерской работе Церкви, потому что епископ появляется там, где раньше его не было. В его епархию включаются те приходы, которые раньше очень редко посещались архиереями, может быть, вообще никогда не посещались. У него появляется импульс для создания новых храмов. Создаваемые епархии объединяются в митрополию, а митрополитом, как правило, становится тот, кто ранее возглавлял эту ныне разукрупненную епархию. Каждый новый епархиальный архиерей – самостоятельный епископ. Его епархия – это церковная структура, подчиняющаяся Патриарху и священному синоду. Митрополит же координирует деятельность архиереев митрополии, взаимодействует с местной светской властью. В каждой митрополии существует совет, в который входят все архиереи. Вся эта работа направлена на то, чтобы придать второе дыхание миссионерской работе Церкви.

– После того как Предстоятелем Русской Православной Церкви стал Кирилл, началась реформа церковного аппарата, появились новые структуры, например Высший Церковный Совет, ряд новых Синодальных учреждений. В чем смысл этих преобразований?

– Это заметно улучшило деятельность Церкви, потому что раньше Синодальные отделы (церковные министерства) работали сами по себе, у нас не было объединяющего органа (совета министров). Сейчас, благодаря появлению Высшего Церковного Совета, мы все знаем, что происходит в других отделах. У нас образовалось очень много межведомственных проектов, в которых участвуют сразу несколько Синодальных отделов. У Патриарха появилась реальная возможность получать полную картину того, как работают отделы.

– А Вам не кажется, что это привело к разрастанию церковного аппарата, бюрократии?

Ватикан, например, наоборот, намерен сделать церковную структуру менее громоздкой. А вы аппарат раздуваете.

– Но Ватикан хочет реформировать аппарат в сторону большей соборности. Это то, о чем говорил Папа Франциск, причем ссылаясь как раз на опыт Православной Церкви. А соборность и предполагает совместные консультации и взаимодействие. Эта соборность сейчас у нас значительно усилилась. Например, в Церкви недавно по инициативе Патриарха Кирилла создан новый орган – Межсоборное присутствие. Это дискуссионный орган, который позволяет представителям епископата, клира и мирян обсуждать насущные вопросы церковной жизни, давать рекомендации архиереям для того, чтобы те потом принимали решения на Архиерейских Соборах. Такая форма участия мирян в церковном управлении раньше у нас отсутствовала.

– Госдума приняла закон «О защите чувств верующих». Как Вы относитесь к данной инициативе? На Ваш взгляд, какое должно быть наказание за оскорбление чувств верующих и что надо понимать под этим термином?

– На принятие этого закона повлияли неприятные инциденты, которые происходили в последние годы, когда осквернялись храмы, когда ломали кресты на могилах или поклонные кресты, поэтому и возникла необходимость защитить чувства верующих специальным законом. Много было спекуляций вокруг этого: говорили, что теорию Дарвина теперь нельзя будет преподавать в школах и т.д. Конечно, речь идет о другом. Речь идет именно о том, что факты намеренного и публичного богохульства и святотатства должны быть уголовно наказуемыми. Я не знаю, какое должно быть наказание, но я думаю, что оно должно быть не символическим. Я думаю, в целом отношение Церкви к этому закону положительное, потому что он ставит преграды для распространения эпидемии, которая началась в последние годы.

– В конце 2010 года был принят закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Церкви передали что-нибудь из имущества религиозного назначения? Что бы вы хотели получить в собственность?

– Здесь надо сказать, что речь никоим образом не идет о реституции церковной собственности, потому что та собственность Церкви, которая накапливалась в течение веков и которая была отнята у Церкви после Октябрьской революции 1917 года, не возвращается Церкви ни в полном объеме, ни даже в частичном. Речь вот о чем: есть объекты, которые уже находятся в распоряжении Церкви, в пользовании. Благодаря этому закону у религиозных организаций появляется возможность стать собственниками этих объектов. Этот закон не прописывает никакой автоматической передачи объектов. В каждом конкретном случае будут вестись переговоры с

соответствующими государственными или муниципальными властями, а закон предоставляет возможность соответствующим властям передавать эти объекты в собственность Церкви.

– А хватит у Церкви сил содержать все эти объекты? Может, государство хочет избавиться от неликвидного имущества, отдав его Церкви? Не выгоднее ли сейчас религиозным организациям иметь имущество на безвозмездной основе, чтобы государство помогало восстанавливать храмы?

– Я должен сказать, что в целом Церковь – это совершенно «неликвидная» организация. Она всегда является в каком-то смысле «убыточной». Церковь ведь всегда строилась не как бизнес-сообщество для привлечения прибыли, а как сообщество людей, готовых жить не по законам мира сего, готовых плыть против течения. Сообщество это создавалось отнюдь не в коммерческих целях. Поэтому и собственность Церкви в основном неликвидная. Ведь храм невозможно продать или сдать в аренду. Храм нужно только содержать и ремонтировать. И происходит это за счет прихожан и за счет частных спонсоров. Церковное возрождение, которое происходило в последние годы, происходило не на средства из госбюджета, а на добровольные пожертвования верующих и на пожертвования бизнесменов и крупных компаний. И такая помощь оказывалась не только православным храмам, но также и синагогам, и мечетям, и дацанам. Все наши традиционные религиозные конфессии возродили свои структуры, свои здания по той же самой схеме. Я думаю, что так это и будет продолжаться и в дальнейшем. И те объекты недвижимости, которые будут переданы Церкви, будут содержаться за счет Церкви, за счет прихожан и за счет благотворителей. Полагаю, что поскольку этот закон не имеет обязывающей силы ни для той, ни для другой стороны, то есть ни для государства, ни для Церкви, то, во-первых, церковь будет ставить вопрос о передаче в собственность только тех объектов, которые она сможет потом содержать, а во-вторых, и государство будет, наверное, передавать только те объекты, передача которых Церкви целесообразна.

– На Ваш взгляд, Церковь может заниматься бизнесом, чтобы содержать себя?

– Я думаю, что у Церкви должна быть своя независимая финансовая база. В каждой стране и в каждой Церкви в зависимости от исторических обстоятельств и в зависимости от сегодняшнего контекста эта проблема решается по-разному. Например, у многих Церквей на Западе никогда не отбирали недвижимость, то есть все то, что они накопили в течение веков, им и принадлежит. Но многие из церковных зданий теперь уже не используются по назначению. Например, многие католические монастыри были рассчитаны на 300–500 монахов. А сейчас там, может быть, живет 10 или 15 иноков. В этом случае здания, которые не нужны монастырю, могут сдаваться под школы, под какие-то иные учреждения, и за счет этого монастырь получает прибыль. Это является финансовой основой существования этих Церквей.

У нас есть некоторые епархии, которые так существуют. Например, епархия Московского Патриархата в Литве. Она обладает недвижимостью, которая была ей возвращена по закону о реституции. Часть этой недвижимости сдается в аренду, и за счет арендной платы епархия может платить зарплаты священникам, осуществлять благотворительные проекты, реставрировать храмы.

Кроме того, в некоторых странах есть так называемый церковный налог, то есть люди часть своего подоходного налога, тот процент, который обычно идет на благотворительность, социальные нужды, могут переадресовать конкретной церковной организации, в которой они состоят. Это имеет свои плюсы и минусы. Минус заключается в том, что некоторые люди воспринимают свою принадлежность к Церкви как своего рода необходимость платить налоги. Есть люди на Западе, которые выходят из Церкви только для того, чтобы не платить налог. Правда, они этот налог все равно платят, только не Церкви, а какой-то другой организации.

Но в нашем случае ни тот ни другой механизм не работает и не существует. У нас нет ни церковного налога, нет недвижимости у Церкви, которой она бы могла пользоваться для получения доходов. И то, что будет передаваться Церкви,– это будут храмы и храмовые здания, которые церковь будет использовать для богослужебных или просветительских нужд. Следовательно, создание материальной базы Церкви должно идти в наших условиях каким-то другим путем. Я думаю, что есть такие механизмы, которые апробированы в разных странах и в разных условиях, это, например, создание целевых капиталов под конкретные церковные проекты. Допустим, создается церковное учебное заведение, и бизнесмены для будущего существования и развитие этого заведения вкладывают свои средства в общий целевой капитал (эндаумент), который потом позволяет этому учебному заведению существовать.

– А сельское хозяйство, фермерство? Есть же подворья, они же вырабатывают какие-то продукты питания, которые, допустим, можно было бы продавать?

– Я думаю, что это вполне возможно. И у нас есть некоторые монастыри, которые имеют свое подсобное хозяйство. Не знаю, насколько это прибыльно сейчас, потому что в наших условиях заниматься сельским хозяйством вообще не очень прибыльно. По крайней мере, скажем, какой-нибудь монастырь или семинария, имея такое подсобное хозяйство, может себя обеспечивать необходимыми и притом натуральными свежими продуктами.

– Какова система финансирования Русской Православной Церкви, есть ли церковный бюджет, если да, то как он формируется, какая расходная в нем часть, а какая доходная?

– Существуют общецерковный бюджет, бюджет епархии и бюджет прихода. Общецерковный бюджет складывается, насколько мне известно, из средств, получаемых от прибыли предприятия «Софрино», из взносов, которые платят московские приходы, и из епархиальных взносов. Эти средства затем расходуется на общецерковные нужды.

– Эти деньги идут на содержании аппарата Московской Патриархии?

– Эти деньги идут на общецерковные нужды. Вообще, общецерковный бюджет всегда строился по типу кассы взаимопомощи. То есть богатые епархии вносят некие суммы, а потом эти деньги передаются в дотационные епархии.

– С 1 сентября этого года преподавание курса «Основы религиозных культур и светской этики» стало обязательным для всех школ. В свое время Владимир Путин заявил, что преподавать его должны «священники и теологи». На Ваш взгляд, кто должен преподавать этот предмет? Хватит ли у вас священников на все школы?

– Я думаю, что священников не хватит. А теологов, если мы их воспитаем, хватит. Я согласен с президентом, что преподавать предмет должны специалисты в своей области. А кто как не священнослужитель или теолог является специалистом в области конкретной религии или религиозной культуры? И мне совершенно непонятно, почему, например, в Австрии, где я шесть лет служил, православный священник может прийти в государственную школу и за государственный счет преподавать основы православия православным детям, а в России это невозможно.

Я думаю, что такое преподавание совершенно не нарушает светскости государства. Например, у нас в советское время в школе преподавали военное дело, и преподавали его военные, как правило, отставные. Вот у меня в школе был полковник, который приходил в военной форме, учил нас собирать и разбирать автомат Калашникова, рассказывал, как пользоваться противогазом. Это же не превращает школу в военизированное подразделение: он приходит как специалист, он носит свою форму опять же как профессионал своего дела. То же самое относится к священнослужителям.

Но, конечно, священников не хватит на все школы. Поэтому в этом деле должны участвовать миряне. Но те, которые все-таки получают какую-то лицензию на преподавание от Церкви. Именно так это сейчас устроено в Австрии, Польше, во многих странах Запада. Я считаю, что это правильный механизм. Ведь у нас сейчас иногда основы религиозной культуры преподают учителя, которые специализируются по совершенно другому направлению, которые сами плохо

знают этот предмет.

– Каково отношение церковного руководства к православным общественным организациям, таким как Союз православных граждан, Ассоциация православных экспертов, Союз православных хоругвеносцев, которые устраивают акции протеста, в частности, это касается гей-парадов, отстаивания строительства 200 храмов в Москве?

– Тут более компетентный ответ вам даст другое церковное ведомство – Отдел по взаимоотношениям Церкви и общества. Я не могу вам сказать об отношении Церкви конкретно к упомянутым Вами организациям, но в целом Церковь приветствует общественные движения и общественные ассоциации, направленные на защиту интересов Церкви и на отстаивание традиционных духовно-нравственных ценностей. Другое дело, что отстаивание этих интересов и ценностей должно вестись цивилизованными методами. И здесь, конечно, разные общественные организации по-разному к этому подходят.

– Что думают в Русской Православной Церкви по поводу протестных акций местных жителей ряда районов Москвы, которые выступают против строительства храмов в их районах? Кто стоит за этими выступлениями? Как можно это урегулировать?

– Мне кажется, что такие акции могут быть как инспирированы врагами Церкви, так и обусловлены особенностями того или иного места. Потому что иной раз эти выступления граждан мотивированы тем, что, например, в случае строительства того или иного церковного объекта жители лишатся парка, места для прогулок, детских площадок. Но в таких случаях всегда принимается решение, которое учитывает интересы граждан. Насколько мне известно, уже было несколько случаев, когда планировалось построить храм на одном месте, а потом это строительство переносилось на другое место, потому что на первоначально выбранное месте у жителей были какие-то другие виды. Надо решать эти вопросы путем переговоров. Сейчас так и происходит. Я совершенно не вижу здесь потенциала для конфликта. Церковь никогда не пойдет на конфликт с обществом, с жителями. Всегда будут учитываться интересы всех.

– Как изменился состав православных верующих в России по сравнению с 90-ми годами XX века, их стало больше или нет, поменялся ли социальный состав верующих?

– Во-первых, конечно, православных верующих стало намного больше. Их стало больше в разы. Во-вторых, стало больше молодежи в Церкви. А в-третьих, если говорить о социальных слоях, то мне кажется, что в современной православной Церкви представлены все социальные слои. Это и люди разного достатка, и разного уровня образования, и разных профессий. И сегодня наши приходы в этом смысле представляют собой очень пеструю картину. Но я думаю, что это как раз

свидетельствует о том, что церковь объединяет всех людей вне зависимости от их возраста или пола и вне зависимости от их социального положения. Интересно, что так было и до революции, когда, например, заключенных в кандалах приводили в церковь и они стояли в храме рядом с представителями аристократии. Церковь всегда была открыта для всех и для каждого.

– Интересно получается: верующих становится больше, а почему же тогда параллельно становится больше акций вандализма, что приходится принимать закон о защите чувств верующих? Почему так получается?

– Может быть и так, а может быть и другое объяснение, что борьба между добром и злом, между Богом и дьяволом, обостряется тогда, когда церковь делает явные успехи, одерживает явные победы. Так не раз было в истории. Когда церковь была гонимой в первые три века христианства, в ней, конечно, возникали и ереси, и расколы, но они носили локальный характер. Как только церковь вышла на свободу после принятия Миланского эдикта императором Константином в 313 году тут же начала распространяться ересь Ария. И уже в 325 году созывается экстренное совещание, которое впоследствии назвали первым Вселенским собором. Оно не было плановым событием, это было экстренное совещание, созванное для того, чтобы спасти церковь от ереси. Причем собор не положил ей конец. Именно после первого Вселенского собора ариане захватили власть в основных городах Восточной Римской империи. И понадобился потом еще один собор, в 381 году, второй Вселенский, который снова осудил арианство. То есть мы видим, что, когда церковь выходит из катакомб, когда открывается новая страница ее истории, тут же и дьявол переходит в контрнаступление. И у нас тоже 1990-е годы ознаменовались, с одной стороны, беспрецедентным расцветом церковной жизни, строительством новых храмов. Но с другой стороны, именно в 1990-е годы возникли все те расколы, которые до сих пор не уврачеваны, в том числе раскол на Украине.

– Как в Русской Церкви относятся к тому, что Папа Франциск пропагандирует простоту и скромность в быту? Некоторые даже пытаются скромность Папы поставить в укор нашим архиереям.

– Я думаю, что деятельность главы Церкви должна оцениваться не по тому, в каких ботинках он ходит или на какой машине он ездит, а по тому, какие решения он принимает и как эти решения сказываются на жизни Церкви. Для меня это самое главное. Бытовые подробности жизни церковного иерарха меня, например, не очень волнуют. Когда я приехал в качестве главы делегации Русской Церкви на интронизацию Папы Франциска, мне, конечно, было приятно, что мы жили в той же гостинице, где он жил. Питались в той же самой столовой, сидели с ним за одним столом, можно было неформально с ним пообщаться. Полгода спустя, когда я приехал, он продолжает жить в той же гостинице, но сидит он уже за отдельным столом. А телохранители

внимательно присматриваются к тем, кто находится рядом, и не допускают людей, присутствие которых там не запланировано. Существует некий вполне естественный механизм защиты Папы как не только главы Церкви, но и главы государства, он существует. И даже когда Папа совершает в этой же гостинице в домовом храме утреннюю мессу, там присутствуют только лица, которые заранее записались и получили приглашение. Если кто-то из посетителей той же самой гостиницы, то есть из официальных гостей Ватикана, придет на эту мессу, не записавшись на нее заранее, то ему дадут «от ворот поворот».

– Но ведь народу нравится такой Папа...

– И хорошо. Это только можно приветствовать. Самое главное, чтобы дело Божие совершалось, чтобы глава Церкви отдавал всего себя именно церковному делу. Мне кажется, именно это важно, а не бытовые подробности.

Беседовал Павел Коробов

Источник: https://mospat.ru/ru/news/51949/